

СПОРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ К. ПОППЕРА

Тарасов Олег Владимирович

Кандидат философских наук, Уфимский университет
науки и технологий (Стерлитамакский филиал)

г. Стерлитамак

ovtarasov@mail.ru

CONTROVERSIAL CHARACTERISTIC THE LIBERAL CONCEPT OF K. POPPER

O. Tarasov

Summary: The article critically analyzes some of the assessments given by V.N. Zhukov to K.R. Popper's liberal democratic ideas as allegedly metaphysical, utopian and naive. It shows the unreasonableness and inconsistency of such assessments, their inconsistency with the real state of affairs. In particular, the opinions of V.N. Zhukov that K. Popper recognized the necessity of metaphysics for science, as well as that K. Popper's attempts to separate social engineering from metaphysical essentialism are futile, seem erroneous. The theses are substantiated: the British philosopher did not always clearly distinguish between scientific hypotheses and metaphysical ideas; the separation of social engineering and essentialism (metaphysics) is quite possible.

Keywords: K. Popper, metaphysics, utopia, science, liberal ideology, social engineering.

Аннотация: В статье критически анализируются некоторые оценки, даваемые В.Н. Жуковым либерально-демократическим идеям К.Р. Поппера как, якобы, метафизическим, утопическим и наивным. Показывается необоснованность и непоследовательность такого рода оценок, их несоответствие реальному положению дел. В особенности, ошибочными представляются мнения В.Н. Жукова о том, что К. Поппер признавал необходимость метафизики для науки, а также о том, что попытки К. Поппера отделить социальную инженерию от метафизического эссенциализма бесперспективны. Обосновываются тезисы: британский философ не всегда четко различал научные гипотезы и метафизические идеи; разъединение социальной инженерии и эссенциализма (метафизики) вполне возможно.

Ключевые слова: К. Поппер, метафизика, утопия, наука, либеральная идеология, социальная инженерия.

Целью данного исследования является анализ и критика некоторых оценочных суждений, высказанных в серии относительно недавних статей В.Н. Жукова в адрес либерально-демократической концепции британского философа К.Р. Поппера, изложенной в известном произведении «Открытое общество и его враги». Надеемся, что проделанная работа позволяет достаточно уверенно предполагать следующее. Выбранные нами для критического разбора тезисы, в которых В.Н. Жуков характеризует идеи К. Поппера как метафизические, утопические и наивные (ошибочные), едва ли соответствуют реальности, будучи необоснованными и непоследовательными.

Начнем со следующих тезисных положений. Во-первых, согласно В.Н. Жукову, позиция К. Поппера относительно соотношения метафизики и науки «была двойственной: с одной стороны, он выступал за поиски подлинной научности, в т.ч. в социальной науке, за освобождение ее от иррационализма, с другой – признавал неизбежность и необходимость метафизики в деле научного познания» [2, с. 39]. Во-вторых, относительно попперовских взглядов на соотношение метафизики и «социальной инженерии» В.Н. Жуков утверждает, что «Поппер, говоря о социальной инженерии, забывает о своей базовой установке, согласно которой метафизика предшествует любому научному (рациональному) познанию. <...> Поппер пытается разъединить эссенциализм (ме-

тафизику) и социальную инженерию, но практика, особенно XX в., доказала, что социальная инженерия всегда была заложницей эссенциализма, т.е. метафизических схем». В-третьих, по мнению В.Н. Жукова, «предлагаемая Поппером социальная инженерия вполне может привести к тоталитаризму, что неоднократно происходило. <...> Эссенциалистский взгляд на историю, общество, государство и право, напротив, может повернуть общество к борьбе за либеральную демократию» [1, с. 28-29].

Попробуем разобраться с данными тезисами. Во-первых, действительно, отношение К. Поппера к метафизике не было полностью однозначным и ясным. По его мнению, существуют разные метафизические идеи – и такие, которые ставили «препятствия на пути прогресса науки», и такие, «которые способствовали ему» [4, с. 60]. Разделение К. Поппером метафизики на разные по характеру идеи кажется странным, если присмотреться к тому, что именно он имеет в виду под полезными и вредными для развития науки метафизическими идеями. К полезным он относит, например, концепцию «умозрительного атомизма» и «веру в существование законов и регулярностей, которые мы можем обнаружить» [4, с. 60, 226], а к вредным – эссенциалистскую «веру в сущности» и возможность их «окончательного объяснения», то есть полного познания [7, с. 302, 305]. Так вот, разве не странно – считать метафизическими и полезными для науки такие понятия и идеи, как «атом» и «закон природы», и в

то же время, обвинять в обскурантизме метафизическую идею «окончательного объяснения», поскольку она «может создавать препятствия для... постановки новых и плодотворных проблем»? Спрашивается, в чем метафизичность первых из названных идей (в их полезности мы не сомневаемся), если они, будучи вполне эмпирически проверяемыми (пусть не сразу при своем рождении, но потенциально), никогда не были насыщены заметным смысложизненным, мировоззренческим содержанием? И почему последняя идея не может быть полезной для науки, если она, являясь вполне смысложизненной, может, как и любая смысложизненная (мировоззренческая) идея (вера), направлять, а точнее, вдохновлять «наши предположения» и исследования? Как видим, необходимая и полезная для науки, по К. Попперу, «метафизика» – это вовсе не метафизика, а вполне научные гипотезы, допускающие эмпирическую проверку, пусть и не сразу в удобном для возможной фальсификации виде. А вот то, что на самом деле является метафизикой, по крайней мере, считается ею со времен Аристотеля (эмпирически непроверяемая эссенциалистская «вера в сущности» и возможность их «окончательного объяснения»), К. Поппер опрометчиво оценивает как вредную для науки идею. Поэтому говорить о том, что британский философ «признавал неизбежность и необходимость метафизики в деле научного познания» – это, скорее всего, допускать ошибку. Более вероятно то, что он просто не всегда четко различал допускающие эмпирическую проверку научные гипотезы, хотя и большой степени общности, и метафизические идеи, абсолютистские, внеэмпирические по своей сути.

Далее, во-вторых, проводимое К. Поппером противопоставление эссенциализма (метафизики) и социальной инженерии, в свете только что сказанного, вряд ли можно считать противоречащим его якобы метафизической «базовой установке». Но, как бы там ни было, здесь важнее другое – реальна ли сама возможность отделить социальную инженерию от метафизического эссенциализма, или она (социальная инженерия), на самом деле, как говорит В.Н. Жуков, «всегда была заложницей эссенциализма, т.е. метафизических схем»? Думается, да, эта возможность реальна, это не утопия и не фантазия. Вспомним, что говорит о социальной инженерии сам К. Поппер. По его мнению, переустройство общественной жизни на принципах поэтапной «социальной инженерии частных решений» (или на демократических началах) предполагает следующее. Социальная инженерия призвана обеспечить равновесие между стремлениями к двум очень разным, но одинаково важным целям. С одной стороны, необходим «протекционизм», то есть вмешательство государства в социальную жизнь, призванное защищать слабых от сильных. Это сопряжено с некоторым ограничением свободы индивидов в качестве условия гарантированной защиты их безопасности как «оставшейся части свободы». Ведь «свобода... не-

возможна, если ее не гарантирует государство». С другой стороны, общество не в меньшей степени нуждается в создании, развитии и охране демократических «политических институтов, позволяющих избежать тирании» слишком сильного государства. Такими институтами, к примеру, являются всеобщие выборы, представительная власть, оппозиция меньшинства и т.п. Ведь «только свобода может сделать безопасность надежной». Основываясь на научно-рациональном критическом анализе «фактической информации», мы должны строить или изменять социально-политические институты в соответствии с нашими конкретными ясно определенными целями, такими, например, как предотвращение экономического спада, обеспечение занятости, или распределение общественного богатства «более или менее равномерно». Проекты решения такого рода наиболее острых и актуальных социальных проблем, в силу их достаточно узкого (частного) характера, «относительно просты», «содержат меньший риск» негативных последствий, и, в случае неудачи, легче поддаются исправлению. При реализации таких проектов возможен «разумный компромисс», ограничивающий наши страсти и склонность к насилию. Методология «частных социальных решений» представляет собой практическое воплощение морального требования быть сострадательным, «уменьшать страдания» конкретных людей, делом «помогать нуждающимся в нашей помощи». Эта умеренная рационально-научная методология противопоставляется К. Поппером попыткам «увеличить счастье» людей и «создать рай на земле», то есть попыткам, вдохновляемым метафизическими, абсолютно возвышенными идеалами. Не умеренные идеи и компромиссные цели, а именно метафизические идеалы, напрочь оторванные от эмпирии, согласно К. Попперу, способны привести «к созданию преисподней». Это может выражаться, в частности, в фанатичной нетерпимости к инакомыслию, в религиозных войнах и «спасении душ посредством инквизиции» [5, с. 248, 30, 154, 148-150, 165-166; 6, с. 152; 5, с. 54, 200-201, 292; 6, с. 274]. Спрашивается, где здесь связь социальной инженерии и метафизики, где включенность первой во вторую? И какая, интересно, «практика», якобы, «доказала» эту связь и эту включенность? Конечно, если отождествлять научные теоретические идеализации и гипотезы с метафизическими идеями, к чему, очевидно, нередко прибегает В.Н. Жуков, то, что ни возьми, все будет подтверждать его тезис о неразделимости социальной инженерии и метафизики. Вот только на каких основаниях мы можем позволить себе заниматься подобного рода отождествлениями?

Что касается третьего тезиса В.Н. Жукова о предлагаемой К. Поппером социальной инженерии, которая, будто бы, «вполне может привести к тоталитаризму», тогда как метафизический эссенциализм, «напротив, может повернуть общество к борьбе за либеральную демократию», то, учитывая сказанное выше, мы можем добавить

только одно. Утверждать подобное – это значит просто видеть белое черным и наоборот.

К сожалению, аналогичные негативные оценки приходится давать и некоторым другим высказываниям В.Н. Жукова в адрес К. Поппера. Например, относительно того, что стремление британского философа якобы «максимально рационализировать жизнь отдает утопизмом». Что же это за максимальная рационализация, если К. Поппер, по признанию самого же В.Н. Жукова, «трезво смотрит на человеческий мир, признавая ограниченные возможности разума» [1, с. 19]? Или вот еще одна характеристика В.Н. Жуковым К. Поппера как «типичного утописта». Она дается в связи с попперовским убеждением в том, что «ценности либеральной демократии и гуманизма... должны быть ориентиром для любого народа», и что поскольку научно доказать это нельзя, К. Поппер будто бы апеллирует «к неким априорным принципам «высшей человеческой духовности», т.е. к метафизике» [1, с. 21-22]. Опять-таки, о какой такой апелляции к «высшей духовности» здесь идет речь? Ведь в действительности К. Поппер призывал всего лишь к созданию таких социально-политических условий, при которых можно относительно эффективно решать «частные» актуальные проблемы для облегчения повседневной жизни людей, а не для того, чтобы сделать их счастливыми. А что решение такого рода задач более действенно происходит при режиме либеральной демократии, а не при тоталитарных диктатурах – факт достаточно явный. Косвенно реальность данного факта признает и сам В.Н. Жуков, когда пишет, что «либеральная модель привлекает все больше людей... просто потому, что либеральная демократия дает гарантии личной и общественной безопасности, делает жизнь людей более комфортной» [1, с. 25]. Странно, но признавая этим высказыванием (вслед за К. Поппером, кстати) то, что либерализм более гуманен, чем диктатура, В.Н. Жуков почему-то не считает себя таким же «типичным утопистом», что и критикуемый им философ.

Переходим к заключительным анализируемым положениям. По мнению В.Н. Жукова, К. Поппер вслед за К. Марксом и В.И. Лениным сильно переоценивал «возможности идеологического воздействия на массы», не учитывая, что роль идеологии вторична и диктаторская власть партийных вождей «с момента возникновения тоталитарных режимов держится не на идеологии... а на массовом терроре». Неверным, наивным В.Н. Жуков считает и убеждение К. Поппера в том, что именно «нетерпимость утопического идеала к инакомыслию, фанатизм его носителей рождает радикализм в политике», и что ради достижения поставленных утопистами нереалистических целей «тоталитарные режимы губят миллионы людей». Согласно В.Н. Жукову, не идеологическая нетерпимость фанатиков вызывала и вызывает жестокость революций, гражданских войн и диктатур.

По его мнению, в России, например, гражданская война «определялась конфликтом не идей (социалистических, либеральных и монархических), а интересов и борьбой за власть». А что касается тоталитарного режима в нашей стране, то дело здесь не в политике по реализации утопических коммунистических идей, а в «естественном» развитии «русской жизни». Это, якобы, такая «своеобразная модернизация по-русски, реализованное сознание русского крепостного» [3, с. 33-34].

На наш взгляд, К. Маркс, В.И. Ленин и К. Поппер все-таки не переоценивали роль идеологии. Конечно, тоталитаризм держится на «массовом терроре», но только ли на нем? В.Н. Жуков сам указывает, что тоталитаризм появляется «в результате предрасположенности к тоталитаризму самого народа, его национальной культуры» [3, с. 33]. Но разве в содержание культуры какого-либо народа не входят идеи: религиозные верования, жизненные идеалы, ценностные представления, нравственные ориентиры и т.п., короче, все то, что можно и нужно называть идеологиями или, по крайней мере, питательной почвой для конкретных идеологий? Причем для идеологий самых разных, как более, так и менее радикальных, поскольку идейное содержание той или иной культуры многообразно и изменчиво. А главное, необходимо учитывать обратное воздействие распространяемых в обществе идеологий на повседневную жизнь данного общества с ее житейскими заботами, интересами и деятельностью по их реализации, в том числе политической, связанной с борьбой за власть. Ведь, по сути, только в рамках тех или иных идеологий эти жизненные интересы можно более-менее ясно осмысливать и внятно выражать. Поэтому борьба за жизненные (или экономические) интересы – это и политическая, по сути, идеологическая борьба тоже, и не в меньшей степени.

Относительно же установления в России тоталитарной большевистской диктатуры, наверное, можно говорить о ее «естественности» для нашей страны в тот исторический период, недалеко отстоящий от крепостничества, но это вовсе не значит, что идеология сыграла здесь лишь второстепенную роль. Ведь фанатичные идеи не только вбивались в сознание людей методами террора (запугиванием, наказаниями и т.п.), они еще и талантливо пропагандировались выдающимися деятелями культуры, и многими (особенно поначалу) совершенно искренне, не за страх, а за совесть, с глубокой верой в правоту и перспективность коммунистического идеала. И, несомненно, пропаганда находила отклик, падала в благодатную почву, именно в силу своей востребованности была весьма эффективной, словно соответствуя величию столь воодушевляющих идей. Отсюда и самоотверженные трудовые подвиги, и воинский героизм, и вся советская романтика первопроходцев, покорителей, творцов нового небывалого мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма // Государство и право. 2020. № 11. С. 15-29.
2. Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Природа научного метода // Государство и право. 2020. № 10. С. 36-44.
3. Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Этика и политика Платона // Государство и право. 2020. № 12. С. 25-34.
4. Поппер К.Р. Логика научного исследования // Логика и рост научного знания: избранные работы. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. С. 33-235.
5. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
6. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
7. Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания // Логика и рост научного знания: избранные работы. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. С. 240-378.

© Тарасов Олег Владимирович (ovtarasov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал)